

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.И. КЛЮЧКО

**Гендерная стереотипия в изучении
актуальных социальных проблем**

Современная наука освободила сознание людей от многих мифов, показав их иллюзорность и политическую ангажированность. Так, никто в настоящее время не рискует утверждать преимущество одной расы или национальности над другой, провозглашать одну религию единственно правильной, определенное политическое устройство – единственно возможным. Однако ряд стереотипов до сих пор остается неизменным, несмотря на теоретические деконструкции и недостаточную корреляцию с социальной практикой. К ним относится, в частности, представление о том, что пол человека определяет его психику, поведение и место в социальной иерархии. Не различая пол и приписываемые ему социальные характеристики, общество тем самым ставит человека в жесткие нормативные рамки. Обращение к гендерной проблематике выступает частным случаем изменений представлений общества о нормах человеческого бытия, долгое время считавшихся природно обусловленными.

Серьезных отечественных трудов, в которых бы рассматривались как универсальные механизмы гендерной стереотипизации, так и специфика их функционирования в российском обществе, пока немного (см., в частности, фундаментальные работы [Агеев, 1986; 1987; Каган, 1989; Клецина, 1998; Котлова, Рябова, 2001; Юферева, 1985])¹.

Гендерные стереотипы можно охарактеризовать как совокупность устойчивых представлений о природной обусловленности мужских и женских социальных характеристик. Схематизированно обобщенные, упрощенные, эмоционально окрашенные образы женственности/феминности/женщин и мужественности/маскулинности/мужчин – таково типичное определение гендерных стереотипов [Практикум... 2003]. Не возражая против него, приведу другую дефиницию, учитывающую разные аспекты гендерных отношений: «Гендерные стереотипы – это социально конструируемые категории "маскулинность" и "феминность", которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» [Рябова, 2003, с. 124].

¹ В них содержится и библиографический обзор западных и отечественных источников по данной проблеме, где определены содержание и функции гендерных стереотипов.

Это определение представляется наиболее корректным. Во-первых, оно фиксирует природу гендерных стереотипов, их социально сконструированный характер. Во-вторых, охватывает социальные представления о мужских и женских качествах, а также о подходящих мужчине и женщине поведении, занятиях и социальных ролях в обществе и семье. В-третьих, в этом определении отражена роль гендерных стереотипов в идентичности личности. В-четвертых, оно учитывает присутствие в концепте "гендер" не только социальной, но и культурно-символической составляющей, предполагающей соотнесение с мужским и женским началами вещей, свойств и отношений, непосредственно с полом не связанных. Например, феминизации или маскулинизации могут подвергаться нация или страна, социальный класс, политический противник, элементы ландшафта и т.д. Так, О. Рябов использует метафору "гендерная картина мира" для обозначения процесса маркировки любых объектов в качестве феминных или маскулинных и переноса на них всей суммы смыслов, закрепленных за этими понятиями в культуре [Рябов, 1999].

И. Клецина полагает, что гендерные стереотипы можно разделить на три группы:

1. Стереотипы, связанные с приписыванием мужчинам и женщинам вполне определенных психологических качеств и свойств личности (стереотипы маскулинности/феминности). Маскулинности приписываются "активно-творческие" характеристики: активность, доминантность, уверенность в себе, агрессивность, логическое мышление, способность к лидерству. Феминность, наоборот, рассматривается как "пассивно-репродуктивное начало", проявляющееся в таких экспрессивных личностных характеристиках, как зависимость, заботливость, тревожность, низкая самооценка, эмоциональность. Маскулинные характеристики обычно противопоставляются феминным и рассматриваются как противоположные.

2. Стереотипы, связанные с семейными и профессиональными ролями. Для женщины наиболее значимой социальной ролью считается роль домохозяйки, матери. Ей предписывается нахождение в приватной сфере жизни – дом, рождение детей, на нее возлагается ответственность за взаимоотношения в семье. Мужчинам отводится включенность в общественную жизнь, профессиональная успешность, ответственность за обеспечение семьи.

3. Наконец, стереотипы, связанные с различиями в содержании труда (экспрессивная и инструментальная сфера деятельности). В соответствии с традиционными представлениями предполагается, что женский труд должен носить исполнительский, обслуживающий характер, быть частью экспрессивной сферы деятельности. Женщины чаще всего работают в области торговли, здравоохранения, образования. Для мужчин естественна творческая и руководящая работа, их труд определяется в инструментальной сфере деятельности [Клецина, 1998].

Стереотипы и установки, в том числе и гендерные, составляют существенную часть ценностно-смысловой сферы человека. Можно выделить два типа динамики ее развития: продуктивный и репродуктивный [Кагальницкая, 2006]. Репродуктивному способу соответствует смысловая сфера, отличающаяся жесткой центрацией сознания и закрытостью, что может вести к ее дисгармоничности, малому объему нестереотипных смыслов, их неупорядоченности, преобладанию защитных механизмов над механизмами смыслообразования и смыслотворчества. Это становится существенным препятствием в процессе профессионального и личностного самоопределения и самореализации. Нестереотипность смысловой сферы связана с интенсивностью трансформации социальных содержаний в личностные смыслы.

Гендер принимает участие в упорядочивании картины мира в целом и организации всей системы социальных отношений – не только между мужчинами и женщинами, но и между группами, а также между человеком и природой. Гендерный дискурс как система репрезентаций, переплетаясь с другими видами дискурса (национальным, военным, политическим др.), испытывает их влияние и, в свою очередь, ставит свои акценты, например, в изучении острых социальных проблем (см., в частности, [Женщина... 2006]). Общеизвестно, что собственные взгляды, предпочтения и склонности оказыва-

ют существенное влияние на постановку научной гипотезы, подбор фактического материала, его анализ и интерпретацию. Попытаюсь показать, как гендерные стереотипы и установки влияют на процесс и результаты социального познания.

В истории философии проблема пола является традиционной. Разделение бинарных понятий по типу противопоставления "мужественность/женственность" прекрасно осознавали еще в античной традиции. Философская традиция феминизации или маскулинизации накладывает отпечаток на исследования нации или страны, социального класса, исторических тенденций, климатических условий и т.д. Подобная традиция носит ярко выраженный нормативно-оценочный характер, безусловно, не всегда однозначный. Так, П. Бурдье писал: "Социальные классификации, оперирующие главным образом... бинарными противопоставлениями: мужской – женский, высокий – низкий, сильный – слабый и т.п., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир" [Бурдье, 1994, с. 203].

Например, авторы послесловия к новейшему философскому словарю, посвященному постмодернизму, используют эти критерии в оценке развития не только современной философии, но и культуры и общества в целом: "В противовес мужскому, мужественному характеру метафизики, который является наследием классической греческой философии, современная философия носит женственный, истеричный и хаотичный характер. Женский характер современной культуры проявляется во всех сферах жизни от политики и экономики до науки, моды и семейных отношений. В современной политике повсеместно обнаруживается бесхребетность, отсутствие политической воли, разумности, целеустремленности, жалкий сиюминутный прагматизм... Женскость современной западной цивилизации проявляется и в признании экономики ведущей сферой человеческой жизни, в приоритете материальных ценностей в современной культуре потребления, в культе чувственных наслаждений... Женские мотивы можно заметить и в кризисном состоянии современной фундаментальной науки, оказавшейся не способной решить практически ни одной глобальной проблемы, а также в бурном развитии прикладных наук, например, синергетики, психологии, социологии, которые лишь поверхностно описывают реальность, не обнаруживая в ней ни смысла, ни цели" [Филиппович, 2007, с. 802].

Наиболее тесно и показательно стереотипные представления о феминном и маскулинном переплетаются с *идеями о семье*. В средствах массовой информации, в политических, академических дискуссиях и даже в документах женского движения подчеркиваются возрастание социальной значимости традиционных женских ролей жены и матери, возвращение мужчине экономической ответственности за обеспечение семьи, важная роль "традиционно крепкой" семьи в процессах консолидации и возрождения нации, значение женской репродуктивной функции для усиления нации в целом.

Парадоксально, но возврат к традиционной семье рассматривается как одна из стратегий обновления общества. Т. Журженко достаточно саркастично отмечает, что под "традиционной семьей" понимается нечто среднее между идеализированной семьей досоветского прошлого и образцовой семьей американского среднего класса 50-х гг. XX в. Идеализация "традиционной семьи" предполагает дистанцирование от коммунистического опыта, навязанного государством формального эгалитаризма и возврат к якобы естественным гендерным ролям. Гендерный контекст в рассмотрении семьи, по мнению этого украинского автора, имеет ряд существенных характеристик [Журженко, 2004]. Во-первых, это абсолютизация семьи как одной из высших социальных ценностей, идеализация этого социального института как формы социальной связи между людьми, однозначное противопоставление семьи как социальной нормы несемейным формам организации жизни. Во-вторых, все формы постсоветского традиционализма характеризует в большинстве своем резко негативное отношение к практике и результатам советской семейной и гендерной политики. Всеобщая трудовая деятельность привела к расщеплению якобы единого прежде авторитета семьи на часто противоречащие друг другу авторитеты матери и отца, создала источник постоянных конфликтов, породила детскую преступность и другие моло-

дежные проблемы. Игнорируются достижения советского периода, в том числе и в решении проблем семьи. В-третьих, для постсоветского традиционализма характерно фактическое сведение семьи к репродуктивной функции, к задачам деторождения и социализации детей. В качестве социального идеала традиционалистами предлагается только один тип семьи – с двумя родителями и, как минимум, тремя детьми. Понятия альтернативной семьи, альтернативного брака решительно отвергаются.

Таким образом, игнорируется тот факт, что демографические тенденции в России таковы, что количество возглавляемых женщинами неполных семей, вероятно, не уменьшится. При существующей динамике показателей разводов супругов с детьми, уровне смертности и росте рождений вне брака, доля детей, которые проведут часть своей жизни в семье с одним родителем, все более и более увеличивается. Проблема семей одиноких матерей в нашей стране сама по себе не нова, но с появлением новых причин и источников образования таких семей на фоне современной демографической и социально-экономической ситуации в России она усложняется и требует всестороннего изучения и освещения. Результаты эмпирических исследований и гендерного анализа изменений социально-экономического положения россиян в период реформ свидетельствуют о том, что семьи одиноких матерей составляют существенную долю среди бедных и самых бедных [Лунякова, 1998].

Проведу параллель в изучении российского и западного общества. Как показал Э. Гидденс, ностальгия по традиционной семье не учитывает целого ряда обстоятельств: неполные семьи – довольно частое явление и в XIX в. в силу не только разводов, но и смерти супруга; в семье, кроме родственных отношений, учитывались экономические соображения, наблюдались гендерное неравенство и отсутствие прав у женщин и детей, двойной моральный стандарт и многодетность как норма [Гидденс, 1999]. Ему вторит М. Киммел, утверждая, что "традиционная" семья как нормативный идеал не была действительностью для большинства американских семей даже тогда, когда этот идеал был изобретен, а в межкультурных исследованиях подобная семейная модель желательна лишь для меньшей части населения (от 48 до 26% опрошенных в разных странах) [Киммел, 2006]. Так называемый "кризис семьи" характерен не только для России, это общемировая тенденция. И идеализированная традиционная семья, в которой якобы решены все основные проблемы личности и общества, безусловно, утопия.

Смещение *гендерных и религиозных* стереотипов приводит к появлению еще более сложных и устойчивых мифов. Так, до недавнего времени образ мусульманки, или восточной женщины, в российском культурном пространстве ассоциировался лишь с хорошо растиражированными художественными типами. И вдруг эти "закутанные" женщины появились на улицах российских городов. Обозначаемые общественностью как "другие" даже в такой мультикультурной среде, как Москва, для одних они символизируют "возвращение назад" (ретрадиционализацию образа жизни), для других – еще одну причуду молодежи, для третьих – фанатизм и угрозу [Мухамедьяров, Логашева, 2001].

Исследователи биографий современных мусульманок чаще всего идут по пути опровержения принятых в обществе стереотипов, под влияние которых в свое время попадали и исследователи, и сегодняшние мусульманки. А именно: мусульманки ничем не занимаются и сидят дома; ислам – фанатичная религия и религия террористов; очень сложно – быть мусульманином и следовать всем требованиям ислама [Сабинова, 2004].

Исследования женских исламских практик в урбанизированных неисламизированных средах с использованием качественной методологии, в том числе и метода биографических интервью, широко распространены в странах Западной Европы, где достаточно велика численность мигрантских групп, исповедующих ислам. Собственно говоря, зарождение особого интереса к теме было связано с развитием во Франции дискуссий общеевропейского значения, связанных с разрешением ношения в школах особого платка – хетжаба девочкам-мусульманкам. Эта проблема вылилась в целое направление исследований "женщины в платке", социокультурной и символической роли платка, стиля жизни и идентичности молодых неомусульманок. Ислам в этих ра-

ботах рассматривается как некий ресурс для морализирующего субъекта, используемого для переопределения властных позиций между поколениями и полами, а также внешним социальным окружением и культурой большинства. Много внимания в актуальных феминистских кросскультурных исследованиях уделяется женщине не только как религиозному актору, но и как религиозному инноватору [Religion... 1995].

Домашнее насилие – одна из самых сложных, противоречивых и латентных проблем в большинстве современных обществ. Чтобы выработать эффективные меры социальной политики для снижения его уровня, необходимо опираться на данные научных исследований о масштабах и природе этого явления. К сожалению, из-за несовершенных методов сбора статистической информации и отсутствия специальных систематических исследований в этой области, мы не располагаем достоверной и полной информацией о масштабах, факторах и проявлении его в России².

Данная проблема считается в России "частным делом": его жертвами ежегодно становятся приблизительно 14 тыс. женщин. Каждый день 36 тыс. женщин избиваются мужьями или сожителями; каждые 40 минут одна россиянка погибает – это шокирующие, но в то же время привычные цифры и факты. Проблема в том, что пока эти скандальные данные известны лишь узкому кругу специалистов. Привычные ко многому работники правоохранительных органов и соцзащиты, ежедневно сталкиваясь со случаями насилия даже во вполне благополучных семьях (а то и у себя дома), не осознают всех масштабов этого социального бедствия [Проблема... 2007]. Насилие как гендерная проблема отражена в деятельности ООН и женских общественных организаций (NGO), но не стала приоритетом государственного уровня в России.

Ряд исследователей считают, что восприятие женщины как пассивной жертвы в процессе эскалации насилия в интимных отношениях блокирует видение динамики насильственных отношений, а также может приводить к обвинению жертвы [Лысова, 2005]. Ссылаясь на разработки Л. Миллс, А. Лысова отмечает, что насилие в семье – не односторонний процесс, а результат сложной динамики отношений между двумя или более активными агентами. В оценке домашнего насилия, как правило, не учитывается характер семейных отношений, где оба партнера и другие члены семьи оказываются активными участниками отношений, проявляющими агрессию – вербальную или физическую. Преодоление стереотипных взглядов на то, что женщины – слабые и пассивные создания, может стать решающим шагом на пути к пониманию природы насилия. Ведь часто не учитывается то влияние, которое женская агрессия способна оказывать на генезис мужской агрессии.

Женщины, чаще являясь инициаторами вербальных оскорблений, особенно в возрасте 18–19 лет, провоцируют оскорбления физические: "...в оскорбительное поведение вовлечены и мужчины и женщины: одни мужчины не могут быть виноваты в кризисных семейных ситуациях, которые заканчиваются насилием" [Римашевская, 1999, с. 237]. Обладая примерно одинаковым "насильственным потенциалом", мужчины и женщины выражают его разными способами. Так как мальчики и мужчины крупнее и физически сильнее женщин, то их агрессия выливается в применение физической силы. Девочки же и женщины чаще используют лучше сформированные у них вербальные и эмоциональные способности. Непрямая агрессия может рассматриваться как попытка причинить кому-то боль, избежав при этом мести. Вербальное насилие служит примером так называемых "стратегий низкого риска" в выражении агрессии: среди девочек – это распространение слухов, установление отношений с людьми, которые неприятны партнеру, подговаривание группы к исключению кого-то из ее членов с целью навредить ему и т.д. [Берон, 1997].

² Одно из наиболее крупных всероссийских исследований насилия в отношении женщин проведено в 2002–2003 гг.; основу его анализа составила патриархальная теория. Женщины в этом исследовании представлены как жертвы, а мужчины – как насильники [Горшкова, 2003].

Взрослые женщины прибегают к порче любимых вещей партнера, выгоняют его из дома, отказываются вступать в сексуальные отношения, готовить пищу или делать что-то другое, о чем существует договоренность. Женская агрессия чаще всего совершается в семье и направлена против всех ее членов, включая детей [Здравомыслова, 2003].

Таким образом, результаты приведенных исследований подчеркивают важность признания всех форм насилия в динамике физического и психологического, совершаемого мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Однако роль женщин в динамике насильственных семейных отношений до сих пор мало изучена. Эмоциональное и физическое насилие представляют собой единый процесс динамики домашнего насилия. Попытки обвинить мужчин и оправдать женщин, что делается в рамках традиционных подходов, не позволяют бороться с домашним насилием адекватно.

Подобным образом гендерная стереотипия приводит к неоднозначной оценке проблемы *проституции и порнографии*. Во-первых, это явление рассматривается как преимущественно женское. Например, материалов в СМИ о женской проституции значительно больше, чем о других ее видах. Во-вторых, женский, мужской, детский виды проституции, то есть по существу однопорядковые явления, оцениваются по-разному. Если детская проституция практически всегда воспринимается негативно как насилие и эксплуатация, то отношение к женской проституции более лояльное, хотя суть ее та же³.

Вопрос о регулировании презентации в СМИ откровенно сексуальных материалов вызывает дебаты во многих странах. Регламентация детской порнографии или сцен физического насилия находит более широкую поддержку, чем регламентация порнографии или насилия в отношении женщин. О. Воронина, проводя анализ российского законодательства по данному вопросу, пришла к следующему выводу: в отношении женской порнографии часто можно встретить утверждения, что здесь любое жесткое ограничение создает риск ликвидации гражданских свобод, а цензура может отрицательно сказаться на свободе слова [Воронина, 1998].

Суть проблемы в том, что при ее анализе исходят из стереотипной методологической позиции (характерной для традиционной юриспруденции): секс может быть товаром; существует "объективная" потребность в продукции секс-индустрии; секс-бизнес – обычный бизнес, который можно регулировать такими же методами, как и остальные сферы бизнеса, и главная задача здесь – написать регламентирующий закон. Именно такая позиция заставляет вполне профессиональных людей – авторов закона – игнорировать очевидное: в секс-бизнесе продают необычный товар: товаром выступают люди⁴. И далеко не случайно секс-бизнес всегда соседствует с проституцией (в том числе детской), наркотиками, садизмом и насилием над объектами сексуальных действий, то есть над людьми.

В последнее десятилетие в России наблюдается бум в демонстрации откровенно сексуальных материалов, производством и сбытом которых занимается большой бизнес, связанный с принуждением к проституции и торговлей женщинами. Он разрастается с пугающей скоростью и, превратившись в одну из форм организованной преступности, достигает глобальных масштабов, и в отношении женщин подпадает под категорию нарушения прав человека. Кроме того, растет объем откровенно сексуальной продукции в киберпространстве, доступ к которому не имеет ограничений. Содержащееся в Декларации об искоренении насилия в отношении женщин определение, в котором говорится, что термин "насилие в отношении женщин" означает "любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов..." [Декларация... 1993], является важ-

³ Диапазон же оценок мужской проституции колеблется от "снисходительной" до "вполне лояльной".

⁴ К сожалению, представители гендерного экспертного сообщества не участвовали в подготовке закона "Об ограничении оборота материалов эротического и порнографического характера".

ным международным правовым положением и должно использоваться в практике ограничения порнографии и насилия над женщинами в СМИ.

Стереотипия в маскулинизации и феминизации явлений, как природных, так и общественных, весьма распространена. Однако гендерные стереотипы срабатывают и в изучении "биологических" проблем, которые таковыми только кажутся (наиболее ярко это проявляется при анализе сексуальности). *Противопоставление пола и гендера* – одна из наиболее сложных проблем не только в рамках гендерных исследований. Рассматривая пол как биологическую данность, а гендер – как социокультурные представления об этой данности, многие исследователи забывают об интенсивном взаимопроникновении, взаимодействии, взаимообуславливании биологического и социального. По сути, в человеке нет ничего социального, которое бы не имело биологической основы, и, соответственно, нет ничего биологического, что не могло бы быть преобразовано под влиянием социального.

Так, точка зрения о "природности" и "естественности" сексуальности не может быть принята безоговорочно. С одной стороны, сексуальная функция и сексуальная потребность действительно относятся к основным природным функциям и потребностям человека. С другой стороны, развитие человеческого общества и *Homo sapiens* как вида начинается тогда, когда окультуриваются природные потребности (латинское слово *cultura* означает возделывание, воспитание, образование, развитие). В первую очередь это относится к сексуальным потребностям, поскольку регулирование сексуальных отношений наряду с регулированием собственности и власти – основа формирования общества. Сексуальность не может быть постигнута в чисто биологических терминах, это не до-культурная физиологическая данность, сфера инстинктов; иначе говоря, сексуальность конституируется в обществе, а не является биологически заданной [Кон, 2004]. Как писала Г. Рубин, "сексуальность в той же значительной степени продукт человека, что и диеты, транспортные средства, системы этикета, формы труда, типы развлечений, производственные процессы или модусы подавления" [Рубин, 1999, с. 15–16].

Например, рассмотрение таких сложных явлений, как *гомо-* и *транссексуализм*, показывает, насколько стереотипны предлагаемые подходы к их изучению и меры помощи таким людям [Клеймо... 2002]. Во-первых, гомосексуальность противопоставляется гетеросексуальности, и они рассматриваются как взаимоисключающие понятия, хотя в культуре многих обществ допускается их сочетание, то есть человек может быть и гетеро- и гомосексуален одновременно. Во-вторых, несмотря на то, что гомосексуализм исключен из списка психических заболеваний, транссексуализм трактуется как патология – психическая или психофизическая. В-третьих, гомофобия рассматривается как дискриминация гомосексуалистов со стороны отдельных людей или, реже, отдельных групп, в то время как эти притеснения – по сути, неотъемлемая составляющая культурных дискурсов и социальных институтов многих современных обществ. По аналогии страх и отвращение по отношению к гомосексуальности можно рассматривать как психологическую проблему многих людей вследствие институционального и идеологического акцентирования на гендерной поляризации и принудительной нормативности гетеросексуальности.

Практика же психиатрической помощи предлагает либо подавление "неестественных" порывов психологически или медикаментозно, либо, в крайнем случае, изменение анатомо-физиологических половых признаков, обрекая человека на тяжелые и длительные оперативные вмешательства, а также на пожизненную гормональную заместительную терапию. С. Бем в этой связи небезосновательно отмечает: демократическое общество не решает проблемы дискриминации религиозных и расовых меньшинств, предлагая им переменить веру или сменить цвет кожи [Бем, 2004]. В то же время практически нет разработок по оказанию психологической помощи для преодоления социального остракизма геев и бисексуалов и их личностного самоутвер-

ждения. Зато налицо призывы вывести однополые браки за рамки "нормальных" и разрешенных [Голод, 2002].

Возможно, было бы адекватнее рассматривать транс- и гомосексуализм как оборотную сторону гендерной поляризации, формирующую традиционных мужчин и женщин. Возможно, в культуре, менее склонной к гендерной поляризации, отсутствие жесткой связки между личностью, поведением, сексуальностью, биологическим полом не имело бы столь большого значения, а количество параметров, входящих в категорию маскулинного и феминного, было бы значительно меньше, следовательно, люди испытывали бы меньшие трудности по поводу собственного пола.

Гендерный подход концентрируется на том культурном и социальном значении, которое придется биологическим или физиологическим различиям между мужчинами и женщинами. Пример подобной стереотипной трактовки естественно-научных данных можно найти в известной работе Е. Ильина "Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины", где со ссылкой на ряд зарубежных авторов утверждается, что вследствие большего размера правого полушария у мужчин им на роду написано стать математиками, художниками и музыкантами, то есть этот факт трактуется положительно. Однако использование женщинами обоих полушарий при осмыслении слов, а также более быстрое восстановление ими основных функций после повреждения не находят столь положительной трактовки. Кроме того, в работе подробно описывается климактерический период как присущий исключительно женщинам и совершенно не упоминаются аналогичные явления у мужчин. И хотя автор в предисловии подчеркивает, что старался соблюдать равновесие между биологическим и социальным при описании имеющихся между мужчинами и женщинами различий [Ильин, 2002], его предпочтения проявляются в подборе научного материала. Подобный подбор материалов дополняется проблемой стереотипии в интерпретации – объяснением различий между мужчинами и женщинами только биологическими факторами, и значительно реже влиянием социальных факторов на биологию людей разного пола.

Скрыто или явно гендерно-стереотипные идеи присутствовали в демографической программе, изложенной президентом В. Путиным в Послании Федеральному собранию РФ в мае 2006 г., и во многих материалах СМИ, посвященных ее обсуждению. Речь идет преимущественно о репродуктивном здоровье женщин (родовые сертификаты, повышение зарплаты гинекологам и акушерам), а не всех людей, то есть воплощается идея материнского, но не семейного капитала.

С начала 1990-х гг. рождаемость в России снизилась вдвое – с 2,2 ребенка на одну женщину в 1986 г. до 1,2–1,3 к концу 1990-х. Большинство политиков объясняют это ухудшением экономической ситуации в стране. Поэтому основа государственной программы преодоления демографического кризиса, принятая в 2005–2006 гг., – сугубо экономическая стратегия. Однако, как справедливо пишет И. Гундаров, экономика решает не все. Среди самых богатых российских семей число детей в 3–4 раза меньше, чем среди самых бедных. Количество аборт медленно, но снижается; противозачаточными средствами сейчас регулярно пользуются всего 23% семей фертильного возраста, а остальные 77% живут половой жизнью, не предохраняясь, но тем не менее не беременеют.

Экономическая и медицинская концепции не способны объяснить причины и механизмы падения рождаемости в современной России, среди которых, по мнению автора, – снижение либидо и выраженное нарушение репродуктивного здоровья как у мужчин, так и у женщин, рост смертности и разводов среди молодежи, ощущение агрессии, страха, тревожности, несвободы, то есть стресс, деэротизация отношений между мужчиной и женщиной. Таким образом, фертильность напрямую зависит от нравственно-эмоционального состояния населения; негативная обстановка в обществе приводит к так называемому психогенному бесплодию [Гундаров, 2007].

Подобные дилеммы между тенденциями развития общества и восприятием и отражением их в социальных теориях, а также между разными направлениями науки фик-

сировали многие ученые. Так, И. Кон с сожалением констатирует, что «между гендерными исследованиями, с одной стороны, и психологией и биосоциальными исследованиями, с другой, существует глубокий разрыв. В России он доведен до полной несовместимости. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить "Дифференциальную психофизиологию мужчины и женщины" Е.П. Ильина с "Гендерной психологией" Ш. Берн. Механически соединить эти подходы невозможно. Утешительная формула об истине, лежащей посередине, тоже вряд ли сработает. Молодым людям, которых серьезно интересует соотношение мужского и женского начал в современном мире, необходимо внимательно читать разную литературу» [Кон, 2006, с. 7].

Взаимосвязь между языком науки, официальным дискурсом и дискриминационными практиками до настоящего времени не была объектом внимания ни российских исследователей, ни активистов гражданских организаций. Среди мероприятий, посвященных этой проблеме, можно отметить лишь конференцию "Социальные науки, расистский дискурс и дискриминационные практики", организованную группой ученых, обеспокоенных ситуацией, сложившейся в российском обществоведении, и считающих себя ответственными за (вос)производство в российском обществе так называемой этнической нетерпимости. Причем основная задача преодоления "расизма" и "национализма" – не задача борьбы с маргинальными идеями и группами людей. Она должна быть переформулирована как преодоление *эссенциалистских* навыков мышления [Расизм... 2002]. Именно поэтому дискуссия о роли ученых в воспроизводстве в обществе предубеждений, нетерпимости, дискриминации любого типа тесно связана с вопросами развития категориального аппарата и методологии социальных наук.

Итак, традиционно в общественном сознании мужчины и женщины считаются совершенно разными созданиями: принято говорить о мужских и женских нормах и правилах поведения, занятиях и обязанностях, особенностях психологии и, наконец, о женской и мужской логике. Гендерные стереотипы – часть господствующего общественного сознания. Они носят нормативный характер и, следовательно, принимают участие в создании системы социальных отношений. Именно их изучение внесло важный вклад в выработку нового подхода к проблеме стереотипизации как процесса социального контроля, установления, поддержания и корректировки общественных отношений. Гендерные стереотипы, накладывая существенный отпечаток на изучение многих актуальных социальных проблем, препятствуют их адекватному разрешению.

Стереотипное изображение мужчин и женщин в научных исследованиях, а также в средствах массовой информации формирует у молодежи далекие от реальности представления, делая гендерный консенсус труднодостижимым, а развитие толерантного мировоззрения – малоперспективным. В этой связи гендерная экспертиза содержания учебников и учебных пособий для школ и вузов, а также более пристальное внимание к понятийному аппарату и академическому дискурсу социально-гуманитарных наук в целом становятся чрезвычайно актуальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1987. № 2.
- Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1.
- Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.
- Берон Р. Агрессия. СПб., 1997.
- Бурдые П. Начала. М., 1994.
- Воронина О.А. Гендерная экспертиза законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации. М., 1998.
- Гидденс Э. Социология. М., 1999.
- Голод С. Нелегитимные молодежные сексуальные стандарты // Человек. 2002. № 3.

- Горшкова И.Д. Насилие над женами в современных российских семьях. М., 2003.
- Гундаров И.А. В поисках утраченной фертильности // Независимая газета. 2007. 14 ноября.
- Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Провозглашена резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок восьмая сессия. Дополнение № 49 (A/48/49).
- Женщина и терроризм // КавкАзия. 2006. № 4.
- Журженко Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: модели для сборки. М., 2004 (<http://library.genderehu.org/hms/unio-biect.php?type=articles&id=358#a358>).
- Здравомыслова О. Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания // Обыкновенное зло: исследование насилия в семье. М., 2003.
- Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2002.
- Кагальницкая О.Г. Психологические особенности стереотипизации смысловых ориентаций девушек на начальном этапе профессионального самоопределения. Автореф. дисс. канд. психол. н. Ростов-на-Дону, 2006.
- Каган В.Е. Стереотипы мужественности-женственности и образ “Я” у подростков // Вопросы психологии. 1989. № 3.
- Киммел М. Гендерное общество. М., 2006.
- Клеймо и сексуальная ориентация. Предвззудки в отношении общества к лесбиянкам, гомосексуалистам и бисексуалам. Харьков, 2002.
- Клецина И.С. Самореализация личности и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2. СПб., 1998.
- Кон И.С. Предисловие // Киммел М. Гендерное общество. М., 2006.
- Кон И.С. Сексология. М., 2004.
- Котлова Т.Е., Рябова Т.Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Женщина в российском обществе. 2001. № 3/4.
- Лунякова Л.Г. “Материнские семьи”: соблюдение прав и гарантий // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. Т. 1. М., 1998.
- Лысова А.В. Насилие в семье – объект социальной политики в США // Социологические исследования. 2005. № 12.
- Мухамедьяров Ш., Логашева Б.Р. Мусульманская община Москвы // Ислам в Евразии: современные этнические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М., 2001.
- Практикум по гендерной психологии. СПб., 2003.
- Проблема насилия считается частным делом (<http://www.owl.ru/content/news/vestnik-2007/p103308.shtml>).
- Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002.
- Рицашевская Н. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. М., 1999.
- Рубин Г. Размышляя о поле: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Гендерные исследования. 1999. № 3.
- Рябов О.В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново. 1999.
- Рябова Т.Е. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Общество. Культура. 2003. Т. V. Вып. 1–2 (15–16).
- Сабирова Г. Как стать и остаться мусульманкой: опыт разных поколений // Устная история и биография. Женский взгляд. М., 2004.
- Филиппович А.В. Послесловие. Против постмодернизма // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007.
- Юферева Т.И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. 1985. № 3.
- Religion and Gender. Blackwell, 1995.